

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Лия
МАЛИНИНА

БЫВШИЕ
ВЕРНУТЬ ЖЕНУ
ДОКТОРУ

Орлов

18+

Лия Малинина
БЫВШИЕ. Вернуть
жену доктору Орлову
Серия «Из Сибири с любовью», книга 3

*<https://litres.ru/73899641>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Я начала приходить в себя в приемном покое больницы. Словно издалека слышала голоса:

— Что у нас здесь? — пробасил какой-то смутно знакомый, словно из прошлой жизни, голос.

— Пострадавшая Светлана Говорова, тридцать лет, — начала отчитываться медсестра, — получила травму

— Кто?! — на весь приемный покой заорал мужик, не дав ей договорить.

— Светлана Говорова, — тихо и растерянно повторила она, но он уже расталкивал своими ручищами склонившихся надо мной докторов.

— Света, Светочка, это ты? — горячая рука легла на мою ледяную щеку.

Я медленно открыла глаза и столкнулась с пронзительным взглядом Вадима Орлова, моего бывшего мужа.

Пять лет назад они пережили трагедию и не смогли сохранить семью. Жизнь сталкивает их вновь в маленьком Сибирском городке.

Смогут ли они простить ошибки прошлого и вновь стать счастливыми?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лия Малинина Бывшие. Вернуть жену доктору Орлову

Глава 1

Света

“Черт! Как же больно”, — думала я, корчась от боли на ледяной корке снега. Рядом стояли подруги Ната и Вера, и пытались меня хоть как-то укрыть от пронизывающего ветра и хлопьев колючего снега.

Мне казалось, что у меня сломано все тело. Болела каждая косточка, каждая мышца. Я прислушивалась к ощущениям и, как доктор, анализировала свое состояние.

Перелом ноги определенно был, но, кажется, больше серьезных травм я не получила. И на том спасибо.

Надо же было так вляпаться! Зачем мы поехали перед бураном на этих снегоходах? Почему нас никто не остановил? А ведь этот день начинался совершенно обычно.

После завтрака, мы, с моими лучшими подругами Натой и Верой, в сопровождении гида из отеля, отправились на снегоходах в горы, к Поклонному кресту.

Доехали мы до него достаточно быстро, но небо уже стремительно затягивало серыми тучами, а порывы ветра клубами кружили хлопья снега.

Когда все спешили со снегоходов, я попыталась хоть что-то разглядеть, но ничего не получилось.

— Давайте скорее возвращаться! — крикнула Наталья, и я увидела, как она обеспокоенно обернулась к проводнику.

Я перевела взгляд на него и насторожилась: парень был бледнее снега, а губы у него мелко дрожали. Он оглядывал надвигающееся безумие с абсолютно бледным лицом, у него даже губы немного дрожали.

— Вы слышали? — я тронула его за рукав куртки. — Нам нужно возвращаться!

— Да-да, конечно, — он будто очнулся, еще раз осмотрелся, быстро закивал и запрыгнул на снегоход. — Держитесь максимально близко друг к другу, чтобы в буре не потеряться! — крикнул он и дал по газам.

Мы поехали за ним, но я так и не поняла, в какой момент мы сбились с дороги. Проводник резко остановился, мы — следом.

— Мы немного сбились с дороги, — прокричал он, подойдя к нам, — я не знаю, как это получилось, буря не должна была начаться так быстро, дорогу замело и я повернул не туда.

— И что нам делать? — испуганно спросила Ната. — Мы сможем выбраться?

— Да, — он махнул куда-то в серую непроглядную тьму, — проедем через переешеек и выедем к поселку. Либо укроемся в гостевом домике. Нужно торопиться, буря усиливается, если застрянем там, то у нас будут проблемы.

Мы, друг за другом, медленно двинулись в путь, но спустя несколько минут наши снегоходы стали глохнуть, один за другим. Проводник был растерян и дезориентирован, а мы... мы были жутко напуганы.

(Подробности этого происшествия описаны в книге “Бывшие. Из Сибири с любовью”)

Ната с проводником спустились со склона, а мы с Верой остановились почти на его вершине. Паренек нервничал, но велел Наташе оставаться у своего снегохода, а сам пошёл помогать нам спускаться.

Я осторожно шагала за ним, цепляясь за снег и торчащие голые ветки деревьев, как вдруг нога поехала. В следующую секунду я уже летела кубарем вниз. В голове что-то хрустнуло, боль пронзила ногу, и я закричала. Мне показалось, что мой крик перекрыл даже завывания бури.

— Света! Светочка! — Наталья уже была рядом, упала на колени. — Как ты? Что болит?

— Но-о-о-га-а-а, — простонала я, закусывая губу. Боль была адской.

Проводник осмотрел меня, достал рацию, что-то прокричал в неё сквозь шипение, потом велел переносить меня к снегоходу. Едва они оторвали меня от земли, я вскрикнула

и вцепилась Наташе в руку, сжав изо всех сил.

— Светик, потерпи, родная, — услышала я ее голос сквозь шум в ушах. — Помощь скоро будет.

— Мы не дождемся! — причитала где-то рядом Верка. — Нас в этой тайге никто не найдет.

— Всё будет хорошо! — строго сказала Наталья и сжала мою руку.

Меня положили прямо на снег. Боль в ноге и голове пульсировала, холод пробирал до костей, но я старалась не кричать. Наташка и Верка встали вокруг, заслоняя меня от ветра, дышали мне на руки, пытаюсь отогреть. Я тихонько постанывала и боялась даже шелохнуться.

Время тянулось бесконечно. Я слышала, как Наталья села на снег и привалилась к снегоходу. Потом проводник закричал:

— Не сидите на снегу, замерзнете! — она поднялась и стала прыгать и махать руками, чтобы хоть как-то согреться.

Время тянулось медленно, как застывающая карамель. Мы с Вадимом однажды были на небольшой фабрике, на которой изготавливают эти сладости. Так вот, сотрудники медленно растягивали разноцветные тягучие ленты карамели, чтобы ее смешать, а потом порезать на фигурные кусочки.

Вадим. Почему я о нем вспомнила? Сердце сразу же прострелило от тяжелых воспоминаний. Столько лет прошло, я уже все пережила, переболела, отпустила. И потерю дочери, и его измену. Я собрала себя по кусочкам и начала жизнь с

чистого листа.

Тогда почему сейчас, когда мне плохо и больно, я снова его вспомнила?

— Нас нашли! — вдруг прохрипела Верка.

Я попыталась повернуть голову и сквозь пелену увидела в темноте огни. Люди с фонарями шли к нам.

Ко мне подбежали несколько парней. Зафиксировали мою ногу шиной, переложили на большие пластиковые носилки, укрыли пледами и пристегнули ремнями. Я чувствовала каждое их движение, которое отзывалось во всем теле жгучими прострелами боли, но сил сопротивляться не было.

— Светик, как ты? — Наташка взяла меня за руку. Пальцы у неё были ледяные, но я всё равно уцепилась за них, как за соломинку.

— Жить буду, — прошептала я потрескавшимися губами и прикрыла глаза. Говорить было больно, холод обжигал горло.

— Держись, — ее голос дрожал, но она старалась говорить бодро. — Теперь все будет хорошо!

Я хотела ей ответить, но не успела. Ее отодвинули в сторону, а меня укрыли еще несколькими пледами, и резко подняли носилки. Перед глазами поплыли огни фонарей и тени спасателей.

— Ребята, давайте скорее! — скомандовал высокий мужчина в форме. Голос у него был жесткий, наверное, он был у них главным.

Я попыталась повернуть голову, чтобы увидеть, где Наташка, но меня уже несли вверх по склону. Снег летел в лицо, ветер завывал, но теперь мне было почти все равно — тепло пледов и какое-то странное облегчение от того, что нас нашли, постепенно затягивали меня в дрему.

Вдалеке я слышала обрывки разговора:

— Куда ее повезут? — спросила Наталья у главного спасателя.

— В Новокузнецк, в травматологию.

Носилки мерно покачивались, меня куда-то несли, а я закрыла глаза и позволила себе просто провалиться в темноту, зная, что теперь я в безопасности.

На снегоходах мы добрались до поселка, где нас уже ждала скорая помощь. Меня переложили в нее, быстро осмотрели и что-то вкололи, отчего я отключилась и не помнила, как мы проехали больше ста пятидесяти километров до Новокузнецка.

В себя начала приходить уже в приемном покое больницы. С меня снимали пледы, разрезали на мне горнолыжный костюм. Словно издалека я слышала голоса:

— Что у нас здесь? — пробасил какой-то смутно знакомый, словно из прошлой жизни, голос.

— Пострадавшая Светлана Говорова, тридцать лет, — начала отчитываться молодая девушка звонким поставленным голосом, — получила травму...

— Кто?! — на весь приемный покой заорал мужик, не дав

ей договорить.

— Светлана... Говорова, — тихо и растерянно повторила она, но он уже расталкивал своими ручищами склонившихся надо мной докторов.

— Света, Светочка, это ты? — горячая рука легла на мою ледяную щеку.

Я медленно открыла глаза и столкнулась с пронзительным взглядом Вадима Орлова. Человека, с которым я познала величайшее счастье в своей жизни и сокрушающую боль. Взглядом моего бывшего мужа.

Глава 2

Света

— Вадим, — прошептала я потрескавшимися губами, — ты что здесь делаешь?

— Потом, Свет, все потом, — он погладил меня по голове и резко развернулся, — Трифонова! — гаркнул он на медсестру. — Ты чего копаешься, как сонная муха? Быстро оформляй ее!

— Вадим Сергеевич, мне же надо заполнить все правильно, — пролепетала девушка, а я снова прикрыла глаза.

— Заполняй! Дежурного хирурга сюда, живо, — он четко и уверенно отдавал приказы, волнения, которое читалось на его лице еще пару минут назад, как не бывало. Теперь это был профессионал. — Провести доскональный осмотр, взять все анализы, сделать МРТ головы, рентген и готовьте операционную.

— Кто оперирует? — задал вопрос кто-то из врачей.

— Я, — отрезал Орлов, — Зимин ассистирует, — я было открыла рот, чтобы сказать, что не хочу, чтобы бывший меня резал, как он продолжил, — свою жену я никому не доверю.

— Так вы же родственники, — кто-то нерешительно ему возразил, пока мне мерили давление, проверяли реакцию

зрчков и брали кровь.

— Формально, нет, мы разведены, — он немного понизил голос, — но разговоров чтобы не было, это ясно?

Сил совсем не было. Ни на что. Даже на выражение эмоций от этой неожиданной встречи. Может, мне почудилось? В бреду у людей бывает измененное сознание. Вот и у меня оно самое. Я приняла кого-то другого за него. Ну откуда взяться Орлову, высококласному травматологу из столицы, в Новокузнецке?

Внезапно все вокруг пришло в движение, вокруг меня сустились люди с утроенной скоростью. Мне провели все необходимые манипуляции и опять куда-то покатали по длинным пустым коридорам больницы.

Я зажмурилась, чтобы не видеть эти казенные стены, и вспоминала, как три года назад тоже лежала на каталке. В той больнице, где он работал. Только тогда он был моим мужем и держал меня за руку перед операцией.

Я моргнула, прогоняя из своей головы эти воспоминания. Даже спустя столько лет они причиняют мне боль.

— Свет, у тебя оскольчатый перелом, — снова подошел ко мне Вадим, — готовим тебя к операции.

— Может, не надо? — мои потрескавшиеся губы плохо шевелились.

— Надо, все будет хорошо, — он похлопал меня по руке и ушел, громко отдавая кому-то распоряжения...

Очнулась я уже в палате. Все тело онемело, во рту пересохло, голова раскалывалась.

Я попыталась пошевелиться и застонала от боли, прострелившей мне правую ногу.

— Тихо, тихо, — услышала я голос откуда-то сбоку. Повернула голову и увидела медсестру.

Не ту, которая была в приемном покое, а другую, постарше, с усталыми глазами и тугими кудряшками, которые выбивались из-под шапочки.

— Лежи, милая, — она подошла ко мне, — операция прошла хорошо, с ногой все будет в порядке.

Я попыталась приподняться на локтях, чтобы осмотреться, но мир поплыл у меня перед глазами — белый потолок, капельница, тонкая трубка, уходящая куда-то в вену, и... да. Она. Нога. Правая нога висела в странной металлической конструкции, похожей на средневековое орудие пытки. Шины, спицы, грузы на блоках — все это выглядело устрашающе. Я сглотнула горькую слюну.

— Вытяжение, — проговорила медсестра, поправляя капельницу. — Не пугайся, так и должно быть. Пара недель — и снимут.

Пара недель. Я смотрела на эту металлическую клетку вокруг своей ноги и понимала, что сейчас разрываюсь. Но слез не было — организм был слишком обезвожен, слишком измучен наркозом и болью. Вместо этого меня накрыла тош-

нотворная волна слабости, и я обессилено упала обратно на подушку.

— Воды... — прошептала я.

— Нельзя пока. Потерпи, чуть позже дадим.

Медсестра возилась возле моей кровати, что-то записывала в планшет, который был прикреплен у изножья, проверяла датчики. Я следила за ней мутным взглядом. Лет под пятьдесят, руки рабочие, с коротко стриженными ногтями, зеленая больничная униформа. Она не суетилась, не охала — делала своё дело спокойно и привычно.

— А ты у нас звездная пациентка, — вдруг усмехнулась она, не поднимая головы от документов, которые заполняла. — Такого переполоха у нас в приемном покое давно не было. Орлов, говорят, орал на всю больницу, пока тебя обследовали и готовили к операции.

Я закрыла глаза. Точно. Орлов. Значит, не почудилось.

— Он... — язык не слушался, — он уехал?

— Операцию тебе сделал, теперь в ординаторской, наверное, — медсестра наконец повернулась ко мне и посмотрела с непонятым выражением. — Скажи, а он правда твой бывший муж?

Вопрос повис в воздухе. Я не знала, что ответить. Правда — да. Три года назад мы развелись, и я думала, что больше никогда не увижу Вадима Орлова. Уволилась из больницы, в которой мы работали, вычеркнула его из своей жизни, пережила, забыла. А теперь встретила его здесь. В этой больнице,

в небольшом Сибирском городке.

— Правда, — наконец выдохнула я, потому что врать не было сил. Да и незачем.

Медсестра помолчала пару секунд, потом вздохнула и поправила мне одеяло.

— Отдыхайте, Светлана. Наркоз еще отошел не до конца. Если боль будет сильная, скажешь, укольчик поставлю.

Она ушла, а я осталась одна в палате. Пахло лекарствами и какой-то едой, запах которой доносился из коридора. За окном светлело хотя, хотя я плохо понимала, какое сейчас время суток. Полностью выпала из жизни.

Я смотрела на свою загипсованную ногу и пыталась сообразить, как мне выбраться отсюда. Я не хотела оставаться в этой больнице, рядом с ним. Я не хотела больше его видеть и бередить старые раны. Возможно, он уже женат, у него есть дети...

Дети, которых у нас с ним не случилось. Я почувствовала, как в уголках глаз начали собираться слезы и быстро моргнула пару раз, не давая им пролиться.

Открылась дверь и я услышала шаги, тяжелые, мужские. И я знала их, эти шаги. Пять лет прошло, а я до сих пор помнила, как он ходил по паркету нашей бывшей квартиры: сначала твёрдо на пятку, потом плавно на носок. Как сейчас.

— Не спишь? — голос низкий, чуть хриловатый.

Я повернула голову. Вадим стоял в дверях, в белоснежном халате, который был накинут сверху на медицинскую форму.

Под глазами круги, лицо осунувшееся, будто это ему спицы в ногу вставили, а не мне. В руке стакан с водой и трубочкой.

— Пей маленькими глотками, — он осторожно поднес стакан к моим губам, — только медленно, Света, медленно.

Я смотрела на него снизу вверх. Он почти не изменился, разве складка между бровями стала глубже и вокруг глаз появились тонкие лучики морщин. Ему сейчас тридцать три, самый расцвет для мужчины. Он, в свое время, был самым перспективным травматологом в нашей областной больнице. Ему прочили большое будущее, а теперь он здесь. Но меня это не касается. Наши пути давно разошлись.

— Как ты себя чувствуешь? — тихо спросил он, сканируя меня внимательным взглядом.

— Как будто меня переехал поезд, — прохрипела я и вновь зажмурилась от боли.

— Сейчас обезбол поставят, я сделал назначение, — он положил свою прохладную руку на мой лоб, — температуры нет, — констатировал он, — это радует.

— Вадим, — я слегка отвела голову в сторону, пытаюсь освободиться от его руки, — я хочу уехать в другую больницу.

Он на секунду замер, сжал челюсти, убрал свою руку с моего лба и тихо произнес:

— Мы обсудим это позже, — развернулся на пятках и вышел из палаты, прикрыв за собой дверь.

А я лежала, уставившись в белый потолок и вспоминала,

как у нас все начиналось и как мы пришли к той разрушительной точке, которая навсегда разделила мою жизнь на до и после.

Глава 3

Света

Мы познакомились с Вадимом в медицинском университете. Он был старше на три года, высокий, статный, красивый. Многие девчонки увивались за ним и мечтали встретиться с этим красавчиком, а я была сосредоточена на учебе. Ничего больше меня не интересовало.

Позже он говорил, что он влюбился в меня с первого взгляда — в ту самую минуту, когда увидел меня на кафедре гистологии. Я сидела, зубрила конспекты перед зачетом, не поднимая глаз и не замечая ничего вокруг.

— Что сдаешь? — он плюхнулся на стул, стоящий рядом со мной и заглянул в мою тетрадь.

— Микроскопическое строение тканей и органов, — пробубнила я, прежде чем подняла на него взгляд.

— Вадим, — он протянул мне раскрытую ладонь и улыбнулся, — третий курс лечфак.

— Света, — я несмело вложила свою руку в его и он тут же сжал мои пальцы. — Пер...первый, — промямлила я, растерявшись и залипла на его лице.

— Первый курс, значит, — он усмехнулся и, кажется, даже и не подумал отпускать мою руку. — А уже такая серьезная. Гистология, — он заглянул в мою тетрадь, — я ее три

раза пересдавал.

Я не знала, как мне себя вести. Его ладонь была теплой и большой, и моя рука в ней казалась совсем маленькой. Я чувствовала, как щеки начинают гореть, и не могла отвести глаз от его лица.

— Три раза? — переспросила я, чтобы хоть что-то сказать. — А мне говорили, что на третьем курсе все еще сложнее.

— Сложнее, — он кивнул, но так и не убрал руку. — Поэтому тебе нужен репетитор. Я предлагаю свои услуги.

Я тогда подумала, что он шутит. Такой парень — и вдруг предлагает заниматься с первокурсницей? Зачем ему это? Я ведь обычная скучная первокурсница, с вечно растрепанным хвостом и учебниками под мышкой.

— Я сама справлюсь, — ответила, наверное излишне резко, и наконец выдернула пальцы из его ладони, — благодарю.

— Я не сомневаюсь, — он не обиделся, наоборот, его улыбка стала еще шире. — Тогда просто кофе. Студенческая столовая не в счет, я про нормальный кофе.

Я отказалась. Потом отказалась еще раз. И еще. А он не сдавался.

В тот момент я и не догадывалась, что он будет добиваться меня почти полгода. Полгода! Могла ли я представить, что такой, как Вадим, будет упрямо ждать, пока я, наконец, смогу обратить на него свое внимание?

Когда на третьем курсе я согласилась выйти за него замуж,

он сказал, что это был самый счастливый день в его жизни. Я верила ему. Мне казалось, что я выиграла какой-то невероятный приз. Что нашла того самого мужчину, с которым проживу до старости.

Как же глупо я ошибалась.

Свадьба была скромной, на ней присутствовали только самые близкие, мы были невероятно счастливы. А после того, как я получила диплом, задумались о детях.

Забеременела я достаточно быстро. Вадим сам сделал ремонт в детской, поклеил светлые обои с медвежатами, собрал кроватку, пеленальный столик. Я смеялась тогда, говорила, что он торопится. Как же я была права...

Не суждено нам было стать родителями. Моя беременность замерла на двадцатой неделе.

До сих пор не понимаю, как пережила это. Помню, как лежала в палате и смотрела в одну точку на потолке. Врачи говорили что-то про генетику, про случайность, но мне было все равно. Я не чувствовала ничего, кроме звенящей пустоты, которая меня поглотила.

Вадим ходил сам не свой. Я видела, как он мучается, как винит себя, хотя в произошедшем не было его вины. Не досмотрел, не уберег — так он говорил потом сотни раз.

Я замкнулась, отстранилась от всех. Но мои подруги, Вера и Ната, не дали мне уйти в черную депрессию, как могли, вытаскивали меня.

В тот момент между мной и Вадимом будто что-то слома-

лось.

Не знаю, как это объяснить словами, но мы отделились друг от друга. Я видела, как он страдает, но не могла ему ничем помочь. А он не мог помочь мне.

Я не выносила нашу квартиру. Там все напоминало о неслучившемся счастье: улыбающиеся медвежата на обоях, кровать, в которую уже успели купить постельное белье, бортики и балдахин. Я часто заходила в эту комнату, которая никогда не услышит на плача, ни смеха моей дочери. Включала карусель, крутящуюся детскую игрушку, и погружалась в свой персональный ад.

Моя жизнь напоминала фильм ужасов: я сидела на полу, напротив пустой кровати и не моргая наблюдала, как под монотонную музыку двигаются по кругу разноцветные лошадки. И мне тогда казалось, что моя дочка там, внутри, машет ручками и смеется.

Мы решили разъехаться на время. Я больше не могла находиться в этой квартире, не могла видеть скорбь и вину на лице Вадима. Не могла принять новую для нас реальность. Взяла на работе отпуск без сохранения заработной платы и уехала к родителям.

А спустя месяц заехала в больницу подписать кое-какие документы. Поднимаясь на второй этаж я увидела, как из кабинета моего мужа выходила молодая медсестра. Она спешно застегивала на себе халат, волосы в беспорядке, губы припухли от поцелуев.

Я замерла. Мы встретились взглядами на секунду — и я все поняла. Мне не нужно было ничего объяснять. Тут же из кабинета вышел Вадим, увидел меня, пытался что-то сказать, но я не могла даже смотреть на него.

Резко развернувшись на пятках, я пулей вылетела из коридора и стремглав спустилась по лестнице.

В тот же день подала на развод, уволилась из больницы и поменяла номер телефона. Вадим пытался поговорить со мной — звонил с чужих номеров, приезжал к родителям, ждал меня у подъезда. Но я вычеркнула его из своей жизни. Раз и навсегда.

И сейчас я должна сделать все, чтобы уехать из этой больницы, чтобы никогда больше не вспоминать прошлое и не видеть Орлова, от одного взгляда на которого сердце предательски сжималось.

И уже на следующий день я решительно попыталась воплотить свой план в жизнь.

Глава 4

Света

Утро началось с рутинных процедур. Меня осматривали, измеряли температуру, делали перевязки. Я даже смогла запихать в себя пару ложек отвратительной манной каши с огромными комочками, которая показалась мне пищей богов.

Я постоянно поглядывала на дверь, в ожидании Орлова, но заходили все, кроме него. В итоге к обеду я себя накрутила так, что у меня пар из ушей валит.

К моменту, когда бывший муж наконец переступил порог моей палаты, от обычно спокойной и уравновешенной Светы не осталось и следа.

— Вадим, я приняла решение лечиться в другой больнице, — вместо приветствия решительно выпалила я.

Он лишь удивленно вздернул бровь и с абсолютно невозмутимым лицом подошел к планшету, в который записывали мои показатели. Что-то внимательно изучал, дописывал, вычеркивал.

— Ты слышал меня?! — гаркнула я и приподнялась на локтях, чтобы посмотреть на его лицо.

Но там был абсолютный покер-фейс. Ни одной эмоции: ни злости, ни удивления, ничего.

— Я услышал тебя, Света, — наконец произнес он, не отрываясь от планшета, — давай сначала закончим с осмотром. Давно у тебя скачет давление?

Я по инерции положила большой палец на свое запястье и начала считать пульс. Он действительно “частил”.

— Нормально все с моим давлением, — огрызнулась я, — это оно на твое присутствие так реагирует.

— Я до сих пор тебя волную? — усмехнулся он и приподнял бровь.

— Ты ненормальный что-ли, Орлов? — прошипела я. — Да я тебя ни видеть ни слышать не могу! Готовь документы на выписку.

— Это совершенно невозможно, — он равнодушно пожал плечами, — как минимум на две недели ты здесь, — он покосился на мою висящую над кроватью ногу, — а может и дольше.

— Я тебе в тысячный раз повторяю: Не буду здесь лечиться! — я чувствовала, как начинаю свирепеть.

Я лихорадочно оглядывалась в поисках чего-то, что можно запустить в его самодовольное лицо. Но, как назло, ничего под рукой не было.

— А я тебе в тысяча первый раз объясняю: вариантов других нет! — невозмутимо парировал Вадим, стоя перед кроватью с этим проклятым планшетом в руках. — Здесь даже Wi-Fi неплохой. Уже прогресс. И кормят отлично.

— Орлов! — взвизгнула я, как бензопила, аж у самой уши

заложило. — Я подпишу отказ от госпитализации! Сейчас же!

— Не получится, Орлова! — огрызнулся Вадим, тыча в меня карандашом, зажатым в пальцах. — Ты на вытяжке лежишь. Тебя нельзя транспортировать. Если только на катапульте, но такая в этом месяце бюджетом не предусмотрена.

— Я не Орлова, я Говорова! — выдохнула я, прожигая взглядом бывшего так, что, казалось, дыра в нем вот-вот появится. — И снимите с меня эту штуковину! Я как будто в средневековом орудии пыток!

— Это не штуковина, это аппарат Илизарова, — с непроницаемым спокойствием поправил Вадим. — И он делает из тебя человека-конструктора. Модно, технологично. Уже все медсёстры завидуют.

— Завидуют?! — фыркнула я и устало откинулась на подушку. — Точно! Прямо все мечтают оказаться на моем месте! — я шипела, как простуженная рассерженная кошка, гневно метая молнии глазами. — Я кофе хочу! Я в туалет хочу! Я... — я не успела продолжить все свои хотелки, как Вадим меня перебил:

— Ладно. Кофе. Но только без сиропа. У тебя и так сахар в анализах танцует самбу. А по поводу туалета... — он замолчал, но в его глазах явственно заиграли хищные огоньки.

— Даже не думай! — я подняла руку и скрутила ему комбинацию из трех пальцев. — Спасибо тебе, конечно, за операцию, за заботу, но не приближайся ко мне!

— А то что? — он явно решил довести меня до белого каления. — Снова сбежишь от меня?

— Ну ты и сволочь, Орлов, — прошептала я, откинувшись на подушку и устало прикрыла глаза.

— Там Вера приехала, она сейчас тебе поможет, а я, — он кинул взгляд на свои наручные часы, — я зайду позже.

Не говоря больше ни слова, он покинул мою палату, в которую, спустя пару минут, влетели мои подруги Ната и Вера.

— Светик! — Натка подошла к кровати, наклонилась и обняла меня. — Как ты? — она бросила сочувствующий взгляд на мою ногу.

— Как видишь, — горько усмехнулась, — я теперь костяная нога.

— Что ты сделала с Орловым? — хохотнула Вера. — Он как ошпаренный вылетел из палаты.

— Девочки! — Я умоляюще смотрела на подруг. — Эвакуируйте меня отсюда! Пожалуйста! — сложила руки в умоляющем жесте.

— Мы говорили с Орловым, — тихо проговорила Ната, — это самая лучшая в городе больница и он обеспечит тебе первоклассный уход и восстановление.

— Свет, я понимаю, что встреча с ним выбила тебя из колеи, — включилась Вера, — но потерпи, а? Ради своего здоровья.

— А о моем психическом здоровье вы не подумали? — вспыхнула я и поерзала на кровати. — И вообще, у меня от

долгого лежания уже вся спина онемела.

— Я тут попыталась заикнуться Вадиму о твоём переводе, — хохотнула Верка, — так он посмотрел на меня так, будто и мне собрался эту железную штуковину прицепить на ногу, а лучше на рот, чтобы я его закрыла.

Я зарычала и закрыла лицо руками. Вот попала так попала. За что мне это все?!

— Как считаешь, — проговорила Наташа с абсолютно серьёзным лицом, — что лучше: быть немного хромой или слегка сумасшедшей?

Мы все трое переглянулись и громко рассмеялись. Заливисто, беззаботно, отпуская стресс и напряжение последних суток.

— Давай-ка наведем тебе красоту, — Вера достала из сумки расческу и принялась приводить в порядок мои волосы.

— Пусть Орлов видит тебя и локти кусает, — улыбнулась Ната, — какую женщину потерял.

— Так! — перебила ее я. — Тему с Орловым предлагаю считать закрытой! Это ясно?

Я перевела строгий взгляд с одной на другую. Подруги согласно кивнули и одновременно показали жест, закрывающий рот на замок и выбросили в сторону воображаемый ключ.

Только вот по их лицам было совершенно понятно, что тема нифига не закрыта.

Глава 5

Светлана

Следующие дни превратились для меня в пытку. Орлов, похоже, решил довести меня до белого каления и появлялся в моей палате несколько раз в день.

Сам измерял мне давление, температуру, проверял капельницу. Я молчала, делала вид, что не замечаю его, что мне все равно, приходит он или нет.

Вадим внимательно смотрел на меня и у меня было такое чувство, что он хочет мне что-то сказать, но раз за разом он сдерживал себя и уходил из моей палаты, чтобы через пару часов вернуться вновь.

А я ловила себя на мысли, что жду его. Жду, когда услышу его шаги, когда откроется дверь и он войдет.

Во мне будто боролись две сущности. Одна та, что все еще любила его всем своим израненным сердцем, и другая — которая помнила всю боль, которую мне довелось пережить и которая твердила мне, что измену можно забыть, но простить ее очень сложно.

— Ну что, пациентка Орлова, — Вадим вошел в мою палату с бумажным пакетом, на котором был изображен логотип какого-то ресторана, — я приглашаю вас в ресторан! — торжественно объявил он.

— Сколько тебе можно повторять, я — Говорова! — недовольно пробурчала я и повернула голову к стенке.

Вадим навел порядок на моей тумбочке, пододвинул ее поближе к моей кровати и стал выставлять на нее контейнеры с едой.

По палате поползли божественные ароматы и у меня тут же предательски заурчал желудок.

— Свет, — тихо сказал Орлов, — давай на полчаса зароем топор войны и просто поедим.

— Хорошо, — сдалась я и повернулась, коря себя за то, что променяла свою гордость на порцию пасты.

Меня поймет только тот, кто неделю ел пресную больничную еду, а потом ему предложили отведать любимое блюдо. Все бы отказались? Вот и я не смогла.

— Паста с морепродуктами в сливочном соусе с песто, — Орлов виртуозно пододвинул ко мне столик и поставил передо мной контейнер, — здесь еще фокачча с пармезаном и салат с бураттой.

— Как ты догадался, что я все это просто обожаю? — я в предвкушении распаковывала пакетик с одноразовыми приборами.

— Никак, — он пожал плечами, — я просто это помню, — и добавил тише, — и никогда не забуду.

Вот зачем он все это говорит? Мы же давно чужие люди. Сделав вид, что не расслышала его последних слов, я погрузила вилку в пасту, намотала на нее спагетти, отправила в

рот и блаженно закатила глаза.

— Бо-о-оже-е, — простонала я, — это самая вкусная в мире паста.

— На Сардинии была не хуже, — тут же ответил Вадим уплетая свою карбонару, — помнишь?

— Помню, — с улыбкой проговорила я, вспоминая наш отпуск на итальянском острове.

Мы копили на него полгода, но оно того стоило. Я вспомнила, как мы сидели в маленьком ресторанчике на побережье, ели пасту, запивали ее местным вином и смотрели на закат. Тогда мне казалось, что мы непобедимы, что наша любовь выдержит все.

Мы были молодыми, влюбленными и бессовестно счастливыми. Вадим смеялся, кормил меня креветками с вилки, а я ловила себя на мысли, что хочу, чтобы этот вечер длился вечно.

Сейчас, глядя на него я чувствовала, как внутри что-то щемит. То ли ностальгия, то ли глупая надежда.

— А помнишь, как ты учил меня есть спагетти, чтобы не испачкать рубашку? — спросила я, откусывая кусочек фоккачи. Вадим усмехнулся, качнул головой.

— Ты все равно умудрилась заляпать меня соусом. Я потом полдня ходил с пятном, пока мы гуляли по старому городу. Думал, все итальянцы тыкают в меня пальцем и смеются над грязным туристом.

Я фыркнула, но улыбка сама расплзлась по лицу. Он

умел любую оплошность или ошибку обернуть в шутку так, чтобы я не расстраивалась.

Я поймала себя на том, что снова рассматриваю его руки — сильные, с аккуратными пальцами, которые когда-то так нежно касались моего лица.

И в груди заворочалось что-то теплое. Я одернула себя: “Света, не смей. Ты знаешь, чем это кончится”.

Орлов закончил есть первым. Он отодвинул пустой контейнер, откинулся на спинку стула и уставился на меня. Он молчал долго, так долго, что я почувствовала себя неуютно. Отложила вилку, вытерла губы салфеткой и подняла на него глаза.

— Что? — спросила я настороженно. — У меня соус на щеке?

— Нет, — тихо ответил он. — Ты просто очень красивая. Даже в больничной пижаме и с растрепанными волосами.

Я замерла. Сердце предательски екнуло, но я тут же вспомнила взгляд той медсестры, которая выходила из его кабинета.

— Вадим, не надо, — сказала я жестче, чем хотела. — Я поела, спасибо.

Он не двинулся с места. Только сжал челюсть и опустил глаза на свои руки, сложенные на коленях. А потом он встал, собрал пустые контейнеры в пакет и направился к двери. Но перед тем как выйти, обернулся.

— Я не сдамся, Света, — сказал он тихо. — Даже если ты

меня ненавидишь. Я все равно буду здесь. Каждый день.

Он не отводил от меня глаз, во взгляде которых, было намешано так много всего: вина, отчаяние и решимость. Он всегда знал чего хочет и добивался этого.

Так он добился меня много лет назад. Только вот я сейчас уже не та, наивная девчонка, которой была. Жизнь преподнесла мне слишком много тяжелых уроков.

Не сказав больше ни слова, Орлов вышел из палаты. Дверь за ним закрылась, а я уставилась в потолок, чувствуя, как по щеке скатывается предательская слеза.

Я злилась на него. И еще больше — на себя. Потому что, вопреки всему, я снова ждала утра, чтобы услышать его шаги в коридоре. Только в тот момент я еще не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.